

1. Дом

01:37

Каким ветром меня сюда занесло, объяснит мне кто-нибудь? Я имею в виду — не на кухню, а в эту жизнь? В ночь перед школьным рождественским праздником я доделываю кексы. А, да чего уж там: я *уделяваю* готовые кексы — процесс куда более тонкий и деликатный.

Развернув роскошную упаковку, осторожно вынимаю кексы из гофрированной фольги, ставлю на разделочную доску и опускаю скалку на их идеально сахарно-припудренные головки. Поверьте, не так это просто, как кажется. Не рассчитаете силу, поднажмете чуть сильнее — и сдобные светские леди лишатся своего пухлого обаяния, распустят нижние юбки и начнут плевать джемом. И лишь осторожным, но уверенным движением (муху когда-нибудь доводилось давить?) вы запустите кондитерский мини-оползень, достигнув милого домашнего обличья сладких толстушек. *Домашнего*. Именно такой мне сейчас и требуется. Дом — душа семьи. Дом — это где любящая мамочка печет своим деткам вкусненькое.

Столько трудов, а все из-за чего? Из-за письма, которое десять дней назад Эмили принесла из

садика — того самого, что до сих пор приклепнуто к дверце холодильника магнитным Тинки-Винки и взывает к родителям “по возможности внести вклад в скромный праздничный стол, который мы традиционно устраиваем для детей после рождественского спектакля”. Записка напечатана ярко-красными чернилами, внизу, рядом с подписью мисс Эмпсон, застенчиво ухмыляется снеговик в академической шапочке. Но пусть вас не обманывает делано-дружелюбный тон и частокोल восклицательных знаков!!! Ни в коем случае. Садиковская корреспонденция сочиняется шифром до того каверзным, что разобрать его способны либо дешифровщики, либо женщины в последней стадии недосыпа, отягощенные чувством вины.

Вот, к примеру, слово “родители”. Обращаясь к “родителям”, на деле детсадовские власти до сих пор подразумевают исключительно матерей. (Какой же отец при наличии жены станет читать послания из садика? Гипотетически, полагаю, такое возможно, но только в случае, если это приглашение на праздничную вечеринку, да и то случившуюся недели полторы назад.) А как вам нравится “по возможности внести вклад”? “По возможности” на учительском языке означает “под страхом смерти” и “под угрозой непоступления вашего ребенка в приличную школу”. Что же касается “скромного праздничного стола”, то готовое угощение, купленное лживой лентяжкой в ближайшем супермаркете, в меню определено не входит.

Почему я в этом уверена, спросите? Да потому, что до сих пор помню взгляд, которым обменялись моя мама и Фрида Дэвис в семьдесят четвертом, на

Празднике урожая — при виде мальчишки в пыльной зеленой куртке, возложившего на алтарь “добровольных” жертвований коробку из-под обуви с двумя банками консервированных персиков из местной лавки. Забыть тот взгляд невозможно. Только полное ничтожество, недвусмысленно читалось в этом взгляде, способно возблагодарить щедрость Создателя подобной пакостью, в то время как Отец Небесный заслуженно ждет горы свежих фруктов в нарядно упакованной корзине. Или свежеиспеченной сдобной плетенки. Домашний хлеб Фриды Дэвис, торжественно пронесенный по церкви ее близнецами, в количестве тугих кос не уступал волосам рейнских русалок.

— Видишь ли, Кэтрин, — уписывая пирожные, презрительно гундосила потом миссис Дэвис, — некоторые мамы, такие как я, например, или твоя мама, не жалеют сил. Однако есть и иные особы... — протяжно фыркнула она, — которые и пальцем не пошевелят...

Я тогда отлично поняла, о ком речь. О женщинах, которые выбирают легкие пути. В семьдесят четвертом уже всю злословили о работающих матерях. Об особах, предпочитающих брючные костюмы и даже, поговаривали, позволяющих своим детям *днем* смотреть телевизор. Злобные сплетни липли к этим женщинам, как пыль к их деловым сумочкам.

Как видите, еще толком не понимая, что такое быть женщиной, я уже знала, что мир женщин делится надвое: на достойных матерей, которые самоотверженно пекут пироги с яблоками и неусыпно надзирают за стирально-сушильными машинами,

и на матерей иного сорта. Сейчас, тридцати пяти лет от роду, я полностью отдаю себе отчет, к какой из половин отношусь. Потому-то, видимо, и торчу посреди ночи 13 декабря на кухне со скалкой в руках, издеваясь над готовыми кексами, чтобы добиться от них домашнего обличья. В былые времена женщины находили время на выпечку домашних кексов, но имитировали оргазм. Теперь же оргазм у нас настоящий, а вот домашние кексы приходится имитировать. И это называется прогрессом.

— Черт. Черт! Куда Пола подевала сито?

— Кейт, ты что творишь? Два часа ночи!

Ричард, застыв в проеме двери, щурится от света. Рич. В любимой пижаме от “Джермин Стрит”, застиранной, в катышках, точно ползунки. Рич, со своим нестигаемым британским благоразумием и порядком поизносившейся добротой. Тормоз Ричард, как зовет его моя американская коллега Синди, потому что работа в его проектной фирме практически заглохла, а на то, чтобы вынести ведро, Ричарду требуется полчаса, и он вечно советует мне притормозить.

— Притормози, Кэти. Ты прямо как тот ярмарочный аттракцион... как его там? Где визжащий народ размазывает по стенкам, пока крутится эта чертова штуковина.

— Центрифуга?

— Ясно, что центрифуга. Как сам аттракцион называется?

— Без понятия. “Стена смерти”?

— Точно.

В чем-то он прав. Я еще не дошла до того, чтобы не понимать, что жизнь не исчерпывается поддел-

кой кексов глубокой ночью. И усталостью. Усталостью глубоководной, почти бездонной. Если честно, я так и не избавилась от нее с рождения Эмили. Пять лет бреду по жизни в свинцовом панцире недосыпа. И какой выход? Отправиться завтра в садик и внаглую грохнуть на праздничный стол упаковку лакомств из “Сейнзбериз”? Здорово. К “мамочке, которой никогда нет дома” и “мамочке, которая всегда кричит” Эмили сможет добавить “мамочку, которая и пальцем не пошевелила” ради нее. Два десятка лет спустя, когда мою дочь схватят на территории Букингемского дворца за попытку похитить монарха, полицейский психолог сообщит в “Вечерних новостях”: “Друзья Эмили Шетток считают, что ее психологические проблемы начались с рождественского праздника в садике, когда мать Эмили, принимавшая в ее жизни символическое участие, унизила дочь на глазах у одноклассников”.

— Ты что, Кейт?

— Мне нужно сито.

— Зачем?

— Чтобы посыпать кексы сахарной пудрой.

— Но зачем?..

— Потому что они слишком аккуратные, все догадуются, что я не сама их пекла.

Ричард моргает, точно Стэн Лорел, который пытается сообразить, что происходит.

— Да не о пудре речь, Кэти. К чему эта *готовка*? Ты три часа как вернулась из Штатов. Никто не ждет от тебя свежей выпечки для детсадовского праздника.

— Я сама от себя этого жду! — неожиданно рявкаю я, и Ричард вздрагивает. — Так куда Пола засунула это чертово сито?!

Я вдруг замечаю, как постарел Ричард. Морщинка, некогда на манер восклицательного знака прорезавшая его лоб, стала глубже и едва ли не впятеро шире. Милый мой смешливый Ричард когда-то глядел на меня как Деннис Куэйд на Эллен Баркин в “Большом кайфе” — сейчас же, после тринадцати лет отношений, полных поддержки и взаимопонимания, смотрит, точно бигль на исследователя, который заставляет его дышать табачным дымом*: вроде и понимает, что такие вот эксперименты необходимы ради общего блага, но все равно молит о пощаде.

— Не кричи, — вздыхает Рич. — Детей разбудишь. — Рука в конфетно-полосатой пижаме указывает наверх, где спят наши дети. — Да и не прятала Пола сита. Не стоит сваливать на нее вину за все подряд, Кейт. Сито лежит в ящике рядом с микроволновкой.

— Ничего подобного, оно лежит здесь, в шкафу.

— Уже нет. С девяносто седьмого. Умоляю, дорогая, пойдем спать. Тебе вставать через пять часов.

Ричард поднимается по лестнице, и ноги готовы нести меня вслед за ним, но оставить кухню в таком состоянии я не могу. Ну не могу, и точка. Здесь словно сражались не на жизнь, а на смерть: “Лего” разлетелось шрапнелью по полу, парочка покалеченных Барби, безногая и безголовая, устроили пик-

* Речь об экспериментах, которые доктор Оскар Ауэрбах проводил на собаках, чтобы выявить связь курения с раковыми заболеваниями. — *Примеч. ред.*

ник на старом клетчатом пледе в пятнах травы — напоминании о последней семейной вылазке на природу в августе. На полу возле стойки для овощей, точно на том же, помнится, месте, что и в утро моего отъезда в аэропорт, темнеет холмик изюминок. Кое-что за время моего отсутствия все же изменилось: в глубокую стеклянную вазу для фруктов на столике у двери в сад добавили полдюжины яблок, при этом старые фрукты выбросить не додумались, так что груши на дне вазы сочатся липким янтарем. С дрожью отвращения избавляюсь от гнилья, вытираю с яблок клейкие капли и кладу их обратно в вымытую и высушенную вазу. На все про все — минут семь. Осталось смахнуть сахарную пыль со стальной столешницы, но процедура неожиданно затягивается: от жирно-склизкой тряпки, кишасей бактериями, тошнотворно несет тухлой водой из-под цветов. Спрашивается, до какого состояния мерзости должна дойти кухонная тряпка, чтобы кто-нибудь в этом доме, кроме меня, додумался ее выбросить?

Запихиваю тряпку в переполненное ведро и лезу под раковину за новой. Пусто. А чего ты ждала, Кейт, тебя дома нет — следовательно, и новой тряпки нет. Выуживаю из ведра тухлую, замачиваю в горячей воде с антибактериальным жидким мылом. Последняя забота на сегодня — выложить для Эмили ее ангельские крылышки и нимб.

Уже выключив свет и двинувшись к лестнице, я торможу от неприятной мысли: если Пола обнаружит в ведре коробки из-под кексов, весть о Великом Кулинарном Подлоге немедленно станет достоянием всех окрестных няnek. Дьявольщина. Достаяю

коробки из ведра, заворачиваю в старые газеты, выношу приличных размеров сверток во двор и сую в огромный черный мусорный пакет — предварительно покрутив головой и убедившись в отсутствии свидетелей. Улики благополучно похоронены, и я наконец могу отправляться в постель к мужу.

В окне на лестничной площадке сквозь декабрьский туман желтеет лунный серп, прикорнувшийся над Лондоном в своем небесном шезлонге. Даже луна — и та хоть раз в месяц да приляжет и вытянет ноги. Лунный мужик, само собой. Будь это женщина, она не присела бы ни на секунду. Верно ведь?

• • •

Зубы чищу не торопясь. На каждом зубе считаю до двадцати. Если потяну время и Ричард успеет уснуть, ему не захочется секса. Не будет секса — утром обойдусь без душа. Обойдусь без душа — успею просмотреть электронную почту, что скопилась за время командировки, а возможно, и кое-что из подарков купить по дороге на работу. До Рождества каких-нибудь десять дней, а у меня ровным счетом девять подарков. Соответственно, впереди еще двенадцать плюс ассорти для детских рождественских чулок. А от “Квик Той”, службы заказа подарков онлайн, до сих пор ни ответа ни привета.

— Ты идешь, Кейт? — зовет из спальни Ричард. Сонным голосом. Очень хорошо. — Кейт! Мне нужно с тобой поговорить.

— Минуточку. Только проверю, как они там. Поднимаюсь еще на один лестничный пролет. Ковровая дорожка здесь до того вытерлась, что край

каждой ступеньки похож на жухлую траву под свадебным шатром на шестой день после свадьбы. Определенно, кто-нибудь расшибется в ближайшее время. На верхней площадке я перевожу дыхание, мысленно проклиная узкие и высокие лондонские дома. В ночной тиши из-за дверей детских доносятся одинаково сонные, но вполне различимые звуки дыхания — принцесса вздыхает, ее братик сопит как поросенок.

Поверьте, я мечтала бы только о сне, если бы мозги мои не были слишком заняты для мечтаний; и когда мне не спится, я люблю пробираться в спальню Бена и тихонечко сидеть в голубом кресле, глядя на сына. Моя кроха всегда выглядит так, будто сам себя метнул в обморок; как махонький человечек, пытающийся вскочить на ходу в автобус. Сегодня он вытянулся плашмя во всю длину кровати, разбросав ручки, крепко сжав кулачки. К щеке притулился безобразный плюшевый кенгуренок, отрада Бена. Подумать только — шкаф ломится от самых лучших игрушек, которые только способны купить безумные родители за безумные деньги, а ребенок спит в обнимку с косоглазым сумчатым чучелом с распродажи. Объяснить, что он устал, Бен пока не умеет, поэтому просто говорит “Ру”. Спать без своего “Ру” он не может, поскольку “Ру” для него и есть, собственно, сон.

Я не видела сына четыре дня. Четыре дня, три ночи. В Стокгольме, где потребовалась моя личная встреча с чересчур нервным новым клиентом, позвонил Род Таск и приказал мотать в Нью-Йорк — подержать за ручку давнишнего клиента, которого внезапно обуяла тревога, что новый клиент отнима-

ет у меня слишком много времени.

Бенджамин никогда не держит на меня зла за отлучки. Мал еще, наверное. Всякий раз он приветствует меня, с беспомощным восторгом размахивая ручонками, как фанат на голливудской премьере. Его сестра совсем другое дело. Пятилетняя Эмили исполнена ревнивой мудрости. Стоит мамочке вернуться — и начинается череда изощренных унижений и наказаний.

— Вообще-то эту сказку мне Пола читает.

— А я хочу, чтоб меня папочка выкупал.

Королева-мать и то теплее приветствовала Уоллис Симпсон, чем Эмили меня, когда я возвращаюсь из командировок. Однако я терплю. Сердце сжимается, но терплю. По-видимому, в душе согласна со справедливостью кары.

Оставив мирно посапывающего Бена, тихонько открываю дверь соседней комнаты. Окутанная медовым светом ночничка “как у Золушки”, моя дочь по обыкновению спит в чем мать родила. (Любая одежда, за исключением туалетов невесты и принцессы, раздражает ее неимоверно.) Стоит мне набросить одеяло, как она недовольно сучит ногами на манер лабораторной лягушки. Укрываться Эмили ненавидит с самого рождения. Когда я купила ей спальный мешок на молнии до горла, она вертелась в нем волчком и надувала щеки, точно Бог ветров из старого атласа, пока я не признала поражение и не отказалась от этой идеи. Даже персиковый пушок на сонном личике моей дочери не способен смягчить упрямую линию ее подбородка. Из ее табеля я узнала, что “в Эмили весьма силен дух соперничества, и ей нужно научиться проигрывать”.

— Никого тебе не напоминает, Кейт? — поинте-

ресовался тогда Ричард и взвизгнул, точно щенок, которому наступили на лапу, — привычка, появившаяся у него в последнее время.

В этом году, решив, что Эмили достаточно подросла, я не раз пыталась ей объяснить, почему мамочке приходится работать: потому что маме и папе нужны деньги на дом и на всякое другое, что она любит, — балетную студию, к примеру, или путешествия; и кроме того, мамочка очень хорошо делает свою работу, а для женщин работа так же важна, как и для мужчин. Каждая речь неизбежно увенчивалась бурным финалом — трубным ревом, хоровым пением, реянием флагов женского союза, — где я уверяю Эмили, что она все поймет, когда станет совсем большой девочкой и сама захочет заняться чем-нибудь интересным.

К несчастью, равенство полов, давным-давно нашедшее признание в либеральном западном обществе, — пустой звук в фундаментализме пятилетнего ребенка. Для Эмили нет Бога, кроме мамочки, и папочка — пророк ее.

По утрам, пока я собираюсь на работу, Эмили твердит один и тот же вопрос с таким несносным упорством, что я готова ее пришибить, а потом всю дорогу до офиса глотаю слезы оттого, что едва не ударила свою дочь.

— Сегодня ты меня уложишь? Кто меня сегодня уложит, мамочка? Ты, мамочка? Уложишь меня сегодня, мамочка? Уложишь?

Знаете, сколько существует способов сказать “нет”, не произнося этого слова вслух? Лично я знаю.

✓ Не забыть!!!

Костюм ангела для Эмили. Прицениться к ковровой дорожке на лестницу. Вынуть лазанью из морозилки для субботнего обеда. Купить бумажные полотенца, средство для чистки нержавеющей стали, подарок и открытку на день рождения Гарри. Сколько ему? Пять или шесть? Завести ящик с подарками, как у любой нормальной матери. Купить елку и модные гирлянды как в рекламе “Телеграф” (Где продают — в “Селфриджес” или в “Хабитат”? Не помню. Черт.) Подарок тире взятка няне на Рождество (что лучше — деньги, духи “Донна Каран” или билет на “Евростар”?). Эмили хочет писюющего младенца (только через мой труп). Подарок для Ричарда (Билет на дегустацию вин? На матч “Арсенала”? Новую пижаму?) и книгу для свекра со свекровью — какие-то там “Затерянные сады”? Попросить Ричарда забрать вещи из химчистки. Что надеть на вечеринку в офисе — в свой черный бархат не влезаю — немедленно прекратить жрать! Сиреневые ажурные чулки. На возню с воском нет времени, ноги придется побрить. Записаться на антистрессовый массаж. В срочном порядке записаться в парикмахерскую (корни торчат — стыдоба). Паховые мышцы качать, качать, качать! Противозачаточные таблетки заканчиваются!!! Праздничный торт (“Королевская” глазурь? — уточнить у Делии*). Клюква. Мини-сосиски. Марки для открыток (40 шт.). Подарок учительнице Эмили? Разбиться, но отучить Бена от соски до встречи Рождества с родителями Ричарда.

* Имеется в виду Делия Смит, ведущая кулинарного телешоу на британском ТВ и автор бесчисленных поваренных книг. — Здесь и далее примеч. перев.

Добраться до “Квик Той”, черт бы побрал эту никчемную фирму. Кстати, неплохо бы сдать мазок. Вино, джин. Позвонить маме. Куда я сунула рецепт гуся, которого Саймон Хопкинс советует “высушить феном”? Начинка? Хомяк???